

НАХОДЧИВОЕ ПОКОЛЪНИЕ.

Недавно одинъ изъ хозяевъ по зеркальной линіи гостинаго двора, разматривая палку мою, въ которую вкладывается зонтикъ, сказалъ: «Вотъ, говорятьъ, нѣмцы нашъ хлѣбъ ѳдятъ. Господь съ ними, пусть ѳдятъ; они нась добру учатъ; не будь ихъ, у кого бы мы стали перениматъ? Они, вишь, до всего умомъ—разумомъ доходятъ, а мы глазами.»

Есть тутъ и правда, подумалъ я, и не даромъ народъ нашъ сложилъ поговорку: у нѣмца на все струментъ есть. Нужда промышляетъ, досужливость перенимаетъ. Много найдется у нась досужихъ самоучекъ, которые что ни увидятъ, все сдѣлаютъ; но хозяинъ правъ: имъ надо напередъ увидѣть; русскій умъ тяжеленекъ на подъемъ, русскій заднимъ умомъ крѣпокъ. Поговорка: русскій человѣкъ не пропадетъ — не въ ту силу сложена, какъ иногда ее понимаютъ. Русскій человѣкъ

вѣкъ не зналъ еще такой нужды, какъ знаетъ ее заморское племя — а голь на выдумки торовата. Если нужда заставить русскаго человѣка промышлять, то онъ рѣдко промышляетъ головою, никогда ногами, а всего чаще руками, и думаетъ по готовому.

Вотъ, заморское поколѣніе, народъ извѣстный у насъ встарину подъ собирательнымъ именемъ нѣмцовъ, а нынѣ подъ названіемъ иностранцевъ — поколѣніе, которое не вѣрить прибасенкамъ, гдѣ счастіе навѣдывается къ сонному — которое растеть и мужаетъ съ убѣжденіемъ, что не давъ счастію угонки, за нимъ не угоняешься, вотъ это поколѣніе, говорю, у котораго на все струментъ есть, не пропадаетъ нигдѣ; оно находчиво, смѣло пускается въ открытое море чужбины, увертливо борется съ супротивными волнами, и нерѣдко благополучно достигаетъ берега. Но, вы спросите: не выѣзжаетъ ли такой искатель судьбы иногда на чужомъ хребтѣ? Безъ сомнѣнія, и на это есть весьма основательная причина, а

именно: на свое́м не вы́дешь, самъ на себя́, на плеча́ свои не сядешь.

Народъ, о которомъ я говорю, взявъ только извѣстную частицу его, отлитую по одному образцу, принадлежить, по званію, къ бездомнымъ скитальцамъ, къ бобылямъ; по призванію — къ художникамъ, какъ называютъ иногда человѣка, который гораздъ на всѣ, или еще лучше — къ источникамъ. Источникомъ, въ простонародномъ языкѣ нашемъ, называется именно такой человѣкъ, который и скроить, и сошьетъ, и выворотить, и мельницу починить, и узоры выведеть — потѣшить во-время малыхъ ребяти водяною мутовкой, да бумажнымъ пѣтухомъ; старишковъ проволочною оправой на очки; красныхъ дѣвушекъ самодѣлковыми серьгами да подвѣсками. По наружности, такой землепроходецъ человѣкъ благообразный: бакенбарды у него чистенько зачесаны впередъ, запонки презатѣйливыя, поступь смѣлая, руки привѣшены въ плечахъ на основаніи правиль нашихъ учебныхъ анатомій, т. е.

свободно–движнымъ сочлененіемъ, и когда пришлецъ нашъ ловко и вольно разсуждаетъ свободно–движными руками своими, то никакъ нельзя догадаться, что онъ придѣланы у него по такому варварскому способу. Если вамъ случалось видѣть когда нибудь одного такого гражданина міра, то вы видѣли въ немъ и всѣхъ: это политипажъ. Иногда, слышалъ я, перемѣшавъ званіе человѣка съ заглавіемъ извѣстнаго рода учебныхъ книгъ, называютъ ихъ самоучителями; ихъ и точно можно такъ назвать — но не потому, чтобы они сами чему нибудь учились, а просто потому, что сами берутся учить всему на свѣтѣ другихъ, и не брезгаютъ горькимъ хлѣбомъ воспитателя барскихъ дѣтей.

Въ Кронштадтъ прибыль изъ Гавра корабль за саломъ и за пенькою; привезъ и то, и сё, и между прочимъ съ десятокъ пассажировъ. Одинъ за другимъ вышли на берегъ, и пошли, въ ожиданіи таможенной очистки пожитковъ своихъ, туда и сюда; а какой–то молодой человѣкъ, бойкой наружности, ходить взадъ и впередъ по

шканцамъ, заложивъ руки въ карманы, и съ завистью поглядываетъ на удаляющихся по берегу товарищай своихъ. Это м'сье Петитомъ, родомъ изъ Лозаны или Женевы. Капитанъ не спускаеть его на берегъ. Петитомъ съумѣль убѣдить капитана отвезти его въ Россію, съ тѣмъ, чтобы тамъ немедленно уплатить осталную половину недоимки за проѣздъ; но теперь покуда еще не съумѣль привести въ исполненіе благонамѣреннаго обѣщанія своего: никто изъ попутчиковъ не даетъ ему денегъ взаймы, тѣмъ болѣе, что м'сье Петитомъ, обѣдая всегда на чужой счетъ, обѣдалъ дружески на этомъ перепутъ поочередно всѣхъ товарищай своихъ, съ коими судьба его свела, признаваясь каждому глазъ на—глазъ, по секрету, что онъ политическій бѣглецъ, и принужденъ былъ бѣжать отъ угрожавшей ему новой линіи Бурбоновъ, съ такою поспѣшностью, что не успѣль захватить съ собою ничего, ни даже припасенного мѣшка отличныхъ сахарныхъ сухарей, не только семи дюжинъ жестяноекъ съ готовымъ кушаньемъ. Все

это, а равно и деньги его, будуть ему пересланы непремѣнно задушевными друзьями, прикрывавшими съ такимъ самоотверженіемъ его бѣгство.

Впрочемъ, Петитомъ не унываетъ; у него, конечно, нѣть въ виду ни одного ломанного шелега, не только гроша, но это ни сколько его не озабочиваетъ; онъ прибылъ въ Россію, и такъ или иначе будетъ на берегу, въ этомъ нѣть сомнѣнія; капитанъ не повезетъ же его обратно въ Гавръ. Петитомъ надѣль единственный щегольскій фракъ свой, и бронзовыя, подъ золотую оправу, очки; притуалетился кругомъ и, расхаживая взадъ и впередъ, посвистываетъ. Всѣ товарищи ушли — думаетъ онъ про—себя — поѣсть не у кого; если капитанъ продержить меня на—тощакъ до полудня, я буду, кажется, ровно въ такомъ же положеніи, какъ тотъ, который, прогулявшись утромъ, пришелъ домой и спросилъ у слуги: нѣть ли у насъ чего поѣсть? и на отвѣтъ: «вы сами знаете, что нѣть ни корки», сказалъ: такъ вотъ что, я

пойду лягу отдохнуть, а ты разбуди меня послѣ обѣда....

Если бы у меня былъ какой нибудь чемоданъ съ собою, или сундукъ, я бы его могъ оставить капитану въ закладъ, и пройтись по Кронштадту, оглянуться, поискать земляковъ легитимистовъ; можетъ быть и промыслилъ бы что нибудь; но у меня одинъ узелокъ, а кой–какія бездѣлушки уже заложены у товарищей. «Капитанъ! сказалъ онъ, вдругъ остановившись вдохновенно, вотъ вамъ паспортъ мой, оставьте его у себя подъ залогъ, а меня отпустите къ консулу; иначе я не могу достать вамъ денегъ.» Капитанъ согласился.

Петитомъ встрѣтилъ на берегу двухъ человѣкъ: одного съ бородою, въ синемъ кафтанѣ, другаго во флотскомъ мундирѣ. Съ первымъ онъ могъ объясниться по–немецки, съ другимъ по–французски. Это ему понравилось: Россія не такъ страшна, подумалъ онъ, какъ я полагалъ; люди, какъ люди; и день довольно свѣтлый, почти какъ у насъ; гдѣ же вѣчные сумерки и

полугодовая ночь? И лѣто также не морозное, покрайней мѣрѣ, здѣсь, въ Кронштадтѣ, посмотримъ, что дальше будетъ, напримѣръ, въ Петербургѣ.

Петитомъ распросилъ, гдѣ найти своего консула, но, между тѣмъ, ласковое обращеніе встрѣченныхъ имъ туземцевъ и убѣдительныя представленія тощаго желудка, побудили Петитома испытать на первыхъ порахъ хваленое гостепріимство наше, и удовлетворить этимъ самой настоятельной потребности; потомъ уже, подумалъ онъ, я займусь своимъ дѣломъ. Онъ, безъ обиняковъ, со свойственною этому поколѣнію ловкостью и умѣньемъ, рассказалъ молодому моряку, жителю знаменитыхъ въ то время паловъ, что бѣжалъ отъ преслѣдованія старой линіи Бурбоновъ, бѣжалъ съ такою поспѣшностью, что не успѣлъ даже захватить съ собою кошелька и бумажника. Но, продолжалъ ловкий разсказчикъ, закинувъ нѣсколько голову и взявъ мичмана за руку: но я ни на минуту не призадумался; я зналъ, въ какую землю

ѣду: въ землю, гдѣ иностранцы, загнанные туда судьбою, принимаются радушно, какъ братья, гдѣ всякий гость не можетъ нахвалиться гостепріимствомъ хозяина. Вотъ почему я смѣло ступилъ на этотъ чуждый для меня берегъ; я увѣренъ, что найду достойный этого народа пріемъ; хотя — прибавиль онъ съ ужимкою, — хотя и не знаю еще гдѣ сегодня буду обѣдать! Вы женаты или холости? продолжалъ онъ.

— Холость, отвѣчалъ мичманъ, насупилъ брови, опустилъ голову и сдѣлалъ рядомъ съ товарищемъ своимъ нѣсколько шаговъ молча. Онъ думалъ въ это время: куда же я его дѣну? какъ его вести за собою въ знаменитые палы, на 15-ти рублевую квартиру, гдѣ въ передней стоитъ огромная русская печь, въ которой Степанъ мой изготовилъ сегодня, вѣроятно, то же, что было вчера и третьяго дня, и что будетъ завтра — щи да кашу!....

— Не правда ли, продолжалъ между тѣмъ Петитомъ, не правда ли, у васъ водится прекрасный обычай, по которому всякий вновь прибывшій чужестранецъ

долженъ избрать себѣ непремѣнно друга между туземцами, и даже обмѣняться съ нимъ именемъ, и новый другъ этотъ заботится о другѣ своемъ какъ о себѣ?

Петитомъ, какъ видите, немного спуталъ обычаи островитянъ Тихаго океана, о коихъ читаль въ Дюмонъ-Дюрвилѣ, съ обычаями русскихъ. Но это у него ни по-чемъ; его нисколько и не озадачила поправка молодаго мичмана, который, наконецъ, для поддержанія чести русскаго хлѣбосольства, рѣшился накормить француза въ гостинницѣ, и поставить ему бутылку вина.

За этимъ дружескимъ обѣдомъ, Петитомъ открылъ душу и обнаружилъ различныя опасенія свои на счетъ вѣчныхъ потемокъ, непроходимыхъ льдовъ и снѣговъ сѣвернаго полюса, къ которому онъ теперь приблизился почти на пистолетный выстрѣлъ, на счетъ русской стужи, отъ которой обыкновенно глаза у людей замерзаютъ какъ стекло, почему-де и заведено, что люди въ этомъ случаѣ заходятъ безъ обиняковъ въ первую встрѣчную дверь, отогрѣваютъ глаза, и

молча опять отправляются своимъ путемъ; на счетъ опасности отъ моржей и бѣлыхъ медвѣдей, отъ набѣговъ татаръ и монголовъ, и проч. Мичманъ успокоилъ его нѣсколько, и Петитомъ, сытый, сталъ еще вдвое бодрѣе Петитома тощаго и голоднаго, открылъ мичману, изъ благодарности, на прощаніи, секретъ, какъ чистить бронзу, склеивать битый фарфоръ и дѣлать превосходную ваксу, и раскланялся самымъ обязательнымъ образомъ.

Два дня спустя, нашъ Петитомъ сидѣлъ уже въ огромной бричкѣ, среди мадамы, двухъ дѣвокъ и пятерыхъ дѣтей, разстипался въ любезностяхъ, смѣшилъ и увеселялъ всѣхъ, былъ самъ сытъ и доволенъ, и катиль по Петергофской дорогѣ въ Петербургъ. Какъ такъ? А вотъ какъ.

Такъ ли, иначе ли, но онъ, съ помощію консула, отъ капитана своего отдался; вышелъ на свободу, но заплатить цѣлковый за проѣздъ до Петербурга не могъ, потому что ему негдѣ было взять и гроша. Онъ узналъ, что попавши въ Петергофъ, можно

попасть въ Петербургъ пѣшкомъ; воспользовавшись свѣдѣніемъ этимъ, онъ поѣхалъ съ флотскими офицерами кататься на катерѣ, попросилъ, какъ будто шутя, чтобы его высадили въ Петергофѣ, и раскланявшись съ новыми пріятелями, отправился преспокойно пѣшкомъ въ Петербургъ.

Пройдя нѣсколько по Нарвской дорогѣ, поглядывая и посвистывая, голышъ мой поравнялся съ какою-то латышскою бричкою безконечной длины, подъ полотняною покрышкой. Бричка тянулась шагомъ; изъ боковыхъ амбразуръ выглядывала полдюжины пригожихъ дѣтскихъ головокъ; Петитомъ услышалъ вскользь нѣсколько словъ разговора; и могъ только разслышать, что говорили по-немецки. Дѣти грызли крендели, и тощій желудокъ пѣшехода настоятельно запросилъ кренделька. — Постой, сказалъ про себя Петитомъ, не все вдругъ, по-маленьку. Придумывая средство, какъ познакомиться съ соблазнительною бричкою, онъ пристально вглядывался въ

лѣвое заднее колесо, которое было умотано сплошь алою шерстью. Странный обычай, подумалъ Петитомъ, надобно упомянуть и объ этомъ въ запискахъ, которыя со временемъ я издамъ о Россіи.... Онъ до того пристально разсматривалъ это украшеніе колеса, что дѣти стали выглядывать изъ брички, и увидѣвъ, что именно обратило на себя вниманіе пѣшехода, вдругъ закричали, заговорили; мадамъ выглянула, всплеснула руками, закричала кучеру: стой! и вслѣдъ за тѣмъ сама вывалилась изъ брички, а за нею выпрыгнули воспитанницы ея. Петитомъ подошелъ на помощь, и дѣло объяснилось: мадамъ вязала какой–то красный колпакъ, положила огромный клубокъ шерсти въ боковой карманъ брички, кто–то изъ дѣтей выскочилъ дорогою, вѣроятно вытащилъ за собою конецъ нитки, она попала въ колесо, и такимъ образомъ весь клубокъ, во время ъзды, намотался на колесо. Мадамъ и ахала, и смѣялась, но между тѣмъ принялась разматывать шерсть, что весьма забавляло прохожихъ и проѣзжихъ. Кучерь

подняль задъ брички, Петитомъ вертѣль колесо назадъ, а мадамъ мотала клубокъ.

Эта счастливая встрѣча доставила Петитому пріятное и полезное знакомство; онъ во время работы успѣль разскaзать всѣ приключенія свои, прибавивъ только къ тому, будто матросы въ Кронштадтѣ его обокрали; кончилось тѣмъ, что Петитома посадили въ бричку и накормили кренделями.

На этомъ новомъ перепутьи Петитомъ опять пополнилъ свѣдѣнія свои о Россіи: онъ узналъ отъ мадамы, что въ Петербургѣ учителей много, что иностранцу трудно получить хорошее мѣсто, что ему придетсяѣхать куда нибудь въ губернію, въ Москву, но что пароходы въ Москву не ходятъ. Мадамъ также успокоила его на счетъ бѣлыхъ медвѣдей и Ледовитаго моря, увѣривъ, что въ Москвѣ нѣтъ ни того, ни другаго.

Но мадамъ сама была хозяйкою только въ дорожной бричкѣ, въ которой она возила барскихъ дѣтей въ Ревель, на купанье; она не могла предложить новому

знакомцу своему, который въ этомъ случаѣ
весьма благоразумно сказался нѣмцемъ, ни
какого пріюта, а высадила его, съ большимъ
сожалѣніемъ, въ Коломнѣ. Петитомъ не
робѣль однакожъ; по его мнѣнію, не только
всякому дню, всякому часу подобала
забота своя. Прошедшее не бременило его
никогда; а какъ онъ былъ увѣренъ, что и
каждый грядущій часъ поступить въ свое
время въ число прошедшихъ, то онъ и
ожидалъ все будущее съ такимъ же
спокойствіемъ, какъ разговаривалъ о
прошломъ. День да ночь, воть и сутки
прочь; такъ и отваливаемъ.

У Петитома нѣть въ Питерѣ ни одной
души знакомой, и онъ еще не знаетъ, куда
приведеть его судьба на ночлегъ. Онъ
стоитъ на углу тротуара, въ одной рукѣ
узелокъ, въ другой шерстяная сумка, и
такъ беспечно и простодушно оглядывается
на всѣ стороны, будто кого нибудь
поджидаетъ, будто прибыль наконецъ изъ
дальняго пути на родину свою. На лицѣ его
только выражалось нѣсколько нетерпѣнія и
удивленія, что долго—де никто не является

на помошь: точно будто бы судьба подрядилась заботиться о немъ болѣе, чѣмъ онъ заботится о себѣ самъ.

Безъ запинки и съ обязательною вѣжливостію заговариваетъ онъ наконецъ съ однимъ изъ прохожихъ; ни сколько не удивляется, что и этотъ прохожій говорить по французски, м'сьё не предполагаетъ, чтобы можно было жить и дышать свободно, не зная по французски. Къ ночи онъ уже расположился у часоваго мастера, въ Гороховой, съ тѣмъ, чтобы за уголокъ въ комнатѣ и за столь отработать чисткою и починкою часовъ. Поутру онъ уже сидить за работой, разбираеть часы, раскладываетъ вычищенныя колеса подъ стеклянныя колпачки, и разсказываетъ съ приличными приемами и осанкой, ученикамъ и подмастерьямъ, что у него былъ за моремъ богатый магазинъ хрустала и бронзы, но внезапное бѣдствіе поставило магазинщика въ нынѣшнее горькое положеніе: онъ пострадалъ отъ несостоятельности торговаго дома или за политическое мнѣніе свое; но, какъ

брав'омъ, какъ честный человѣкъ, не жалѣть объ утратѣ: правда ему дороже головы, не только живота или наживнаго добра. Пріятели скоро вышлютъ ему сотню тысячи франковъ, и тогда онъ опять разживется... Ученики, частію русскіе, которые по какому-то навыку понимаютъ всѣхъ иностранцевъ, на какомъ бы языкѣ они не говорили, слушаютъ съ удивленіемъ новаго, временнаго собрата своего, и завидуютъ полосатой бархатной жилеткѣ его.

Вскорѣ у Петитома появились для продажи разныя бездѣлушки: дамскія перчатки въ грецкомъ орѣхѣ, цѣпочки и нѣсколько зонтиковъ въ тростяхъ, обѣ одномъ изъ коихъ хозяинъ зеркальной линіи сдѣлалъ свои замѣчанія, переданныя мною въ началѣ этой статьи. Вещицы эти были заложены имъ какому-то попутчику, еще во время проѣзда моремъ изъ Гавра; этого человѣка Петитомъ отыскаль, выкупилъ вещи свои и распродалъ ихъ съ выгодою. Онъ смѣялся въ душѣ, что избавилъ себя отъ хлопотъ безпошлиннаго

провоза этихъ вещей, предоставивъ о томъ заботиться тому, кто принялъ ихъ подъ залогъ.

Петитомъ оставилъ часовщика, перешелъ въ Морскую, къ землячкѣ, успѣль развести порядочное знакомство, и вскорѣ добылъ мѣсто воспитателя+ Его увозятъ въ Симбирскъ, повѣряютъ ему двухъ дѣвочекъ и мальчика, и вотъ когда Петитомъ, достигнувъ ближайшей цѣли своей, дѣлается самоучителемъ. Въ два мѣсяца дѣти затвердили разныя французскія и нѣмецкія привѣтствія и пожеланія, а мимоходомъ Петитомъ успѣль продать одному изъ симбирскихъ погребщиковъ секретъ: какъ исправлять попорченныя вина, и торговаль подъ рукою, черезъ барскаго каммердинера, эссенціями жизни и эликсирами всѣхъ сортовъ, между прочимъ также для истребленія блохъ и клоповъ.

Покуда все шло хорошо; но Петитомъ сталъ не довѣрять торговому товарищу своему, и вскорѣ убѣдился, что этотъ его точно обманываетъ. Не думавъ долго, онъ

перевель лавочку въ свою комнату, обзавелся, сверхъ духовъ и помады, еще цѣпочками, перстеньками, дамскими поручнями, наперстками, иголками, сережками, и пріучилъ воспитанниковъ своихъ, особенно двухъ пригоженькихъ дѣвочекъ, уже подростковъ, исправлять, въ отсутствіе его, должность сидѣльцевъ. Онѣ дѣлали это очень ловко и мило торговались, казали товаръ лицемъ, и подавая покупателю цѣпочку, вскидывали ее съ какою-то плутовскою уловкою на изнанку бѣленькой ручки своей.

По доносу каммердинера, все это вдругъ обнаружилось, и тѣмъ болѣе изумило папеньку и маменьку, что они сами ничего не видали, не подозрѣвали. Петитома согнали со двора, задолжавъ ему полугодовое жалованье. Помѣщикъ нашъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые воспитываютъ дѣтей своихъ или на казенный счетъ, или въ долгъ; наличными же деньгами платиль онъ только за вистомъ, и болѣе нигдѣ и никогда. Петитомъ исчезъ изъ Симбирска,

проклиная неблагодарность русскихъ и увѣряя всѣхъ, что уѣдетъ опять домой, за границу.

Прошло два года, и симбирскій помѣщикъ нашъ отправился со всей семьей на Кавказъ, повезъ дѣтей и жену и себя лечить пятигорскими водами. Прогуливаясь тамъ между опрятными новенькими домами, выстроенными для посѣтителей, увидѣли они огромную вывѣску, съ презатѣйливою собачьей комедіей. Папенькѣ и маменькѣ не было покоя: пойдемъ да пойдемъ въ собачью комедію. Пошли, и хотели до упада всѣ, и малые и большіе. Тутъ курносая моська Жантиль, въ аломъ фракѣ и голубой фуражкѣ, расхаживаетъ на дыбкахъ подъ ручку съ косматою шавкой, мадмоазель Санфасонъ; тутъ цѣлая упряжь гнѣдыхъ дворняжекъ везутъ коляску, гдѣ нарядная маленькая пѣганска исправляетъ должность кучера; двѣ моськи, одна въ бѣломъ атласномъ платьѣ, другая въ вишневомъ французскомъ кафтанѣ, сидяты въ коляскѣ, а брусбартъ, въ ливреѣ, стоять на запяткахъ; тутъ цѣлая стая собакъ всѣхъ

мастей и во всѣхъ нарядахъ, щегольскихъ, модныхъ, ощипанныхъ, оборванныхъ, пляшутъ на дыбкахъ, подъ барабанъ и дудку, экосезъ, и каждый разъ, когда очередная пара отправляется взадъ и впередъ между рядами дамъ и кавалеровъ, ропотъ зависти и неудовольствія выражается въ рядахъ пляшущихъ: дамы и кавалеры ворчать и скалять зубы. Наконецъ, какой-то назойливый барбосъ, который вель себя во время танцевъ самимъ неприличнымъ образомъ, и между прочимъ ворчаль и огрызался безпрестанно, даже безъ всякаго къ тому повода, барбосъ этотъ ухватилъ одного кавалера въ оранжевомъ кафтанѣ за воротникъ; тотъ сталъ огрызаться, кавалеры и дамы, всѣ безъ разбора, приняли ту, либо другую сторону, и баль окончился буйствомъ и страшною дракой, разсмѣшившею большихъ и напугавшею малыхъ зрителей. При этой общей свалкѣ фуражки, шляпки и клочки мишурнаго платья летѣли во всѣ стороны.

Въ эту критическую минуту, вступилъ на поприще съ арапникомъ въ рукѣ самъ хозяинъ, желавшій вѣроятно спасти лоскутный рядъ свой, фраки, юбки и кафтаны, отъ конечнаго истребленія. М'сье Петитомъ, м'сье Петитомъ! закричали въ одинъ голосъ симбирскіе воспитанники нашего самоучителя... Такъ, это былъ онъ! Прирожденный воспитатель, онъ, за неимѣніемъ другихъ воспитанниковъ, занялся обученіемъ мосекъ, шавокъ и болонокъ, разговаривалъ съ ними такъ же мило и поучительно, какъ бывало съ дѣтьми; заставлялъ ихъ также ловко кланяться, присѣдать, держаться прямо, на вытяжку, складывать вѣжливо лапки и собачки уже довольно порядочно понимали по-нѣмецки.

Вскорѣ, однако же, судьба опять покарала бѣднаго самоучителя: онъ внезапно, въ страшную годину, лишился всѣхъ воспитанниковъ своихъ, подававшихъ столько лестныхъ надеждъ. На ученыхъ собакъ напала чума, которая, какъ известно, не щадить ни пола, ни возраста,

ни даже званія и состоянія: страшный кашель, рвота и тому подобное воцарились въ балаганѣ подъ вывѣскою мосекъ, шавокъ и болонокъ; много истратиль Петитомъ на сѣру, антимоній и табачный настой; уходъ быль за воспитанниками примѣрный, но судьба порѣшила дѣло по своему: въ три недѣли все кончилось; ученыя собаки подохли или остались такими калѣками, что не было ни какой возможности показывать ихъ: они поглупѣли, одурѣли, позабыли всѣ науки, и разбитыя на заднія ноги, едва перекачивались съ мѣста на мѣсто. Собачья комедія рѣшительно разстроилась.

Скрипка или флейта, подъ которую плясали собаки, выручила Петитома. Екатеринославскій помѣщикъ увезъ его изъ Ставрополя къ себѣ, устраивать домашнюю музыку. Петитомъ брался за все, что вамъ угодно, и если бы кобылка и саранча не поѣла въ Славяносербскомъ уѣздѣ хлѣба, то, можетъ быть, у помѣщика была бы со временемъ и музыка; по крайней мѣрѣ, трехъ человѣкъ, изъ птарей, съ басомъ, со

скрипкой и кларнетомъ, Петитомъ поставилъ уже на ноги. Но кобылка испортила все дѣло; музыка полетѣла къ чорту, потому что тутъ нечѣмъ было кормить и рабочихъ крестьянъ, не только дармоѣдовъ.

Самоучитель оглянулся въ околоткѣ, и попалъ счастливо на прежнюю колею свою; у сосѣда подростали ребятишки; сосѣдъ нашелъ въ Петитомѣ дешеваго наставника, и дѣло сладилось. Но послѣ столькихъ горькихъ опытовъ, Петитомъ сталъ дорожить мѣстомъ своимъ, и старался угодить, по возможности, родителямъ, отложивъ всякий посторонній промыселъ, по крайней мѣрѣ до того времени, покуда не обживется и не устоится на своемъ мѣстѣ. Смѣтивъ, что родители малютокъ были смертные охотники до благонравного воспитанія, въ особенности до поучительныхъ стишковъ и басень, Петитомъ долгое время былъ въ затрудненіи, какимъ образомъ обнаружить передъ родителями обязательнымъ образомъ тѣ нравственныя правила,

которыя онъ внушаетъ дѣтямъ! Родители не знали ни по-нѣмецки, ни по-французски, а тутъ еще на бѣду наступали папенькины имянины. Наконецъ Петитомъ рѣшился: дѣти вытвердили наизусть французское и нѣмецкое пожеланіе; это такъ, само по себѣ, и родители слушали его, проливая слезы радости; но за тѣмъ, дѣти прочли также на память двѣ русскія басни, написанныя Петитомомъ. Да, Петитомъ выучился уже русскому языку, и не только свободно на немъ изъяснялся, но писалъ въ стихахъ и въ прозѣ поучительныя басни. Вотъ онѣ:

I. СОБАЧКА И СОБАКА.

Одинъ маленький собачка съ великій
злость

Грызъ кость.

Большой собака приходиль,
И маленький собачка спросиль:

Маленькой собачка, зачѣмъ ты съ
великій злость

Грызешь кость?

Маленький собачка отвѣчаль:

Мнѣ хозяинъ давалъ.

НРАВОУЧЕНИЕ.

**Слѣдовательно, ничего не должно дѣлать
безъ позволенія.**

.....

II. ВЕЛИКОДУШЕ.

Одинъ молодой козель пошелъ себя немножко прогуливаетъ; вдругъ на встрѣчу ему попадался городовой. Городовой, по должность свой, спросилъ: Господинъ молодой козель, вы пьянь? Нѣть, отвѣчалъ молодой козель, я не пьянь, я только немножко себя прогуливаетъ. Городовой обратился, по должностъ свой, къ другой прохожій.

Эта басня показываетъ, что одинъ былъ великодушнѣе другаго, а другой великодушнѣе одного.

.....

Вотъ вамъ необыкновенные успѣхи Петитома въ русскомъ языкѣ; вотъ вамъ умъ его, даръ писателя, остроуміе и

высокія понятія о нравственности. Удивительно, до какой степени этотъ человѣкъ пріучилъ себя въ нѣсколько лѣтъ къ русской почвѣ; это въ особенности доказываетъ вторая басня его: русская басня, по всему.

Хотите знать и окончательныя приключенія Петитома? Ему предстоить троякій конецъ: или онъ женится на какой нибудь зажиточной вдовѣ, и навсегда останется въ Россіи; или онъ наживется лѣтъ черезъ десять самъ, и поѣдетъ за море, въ свое отечество; или наконецъ онъ состарѣется у насъ такимъ же бобылемъ, и будетъ разъѣзжать, подъ названіемъ нѣмца или француза, круглый годъ по всему околодку, гостить поочередно у помѣщиковъ, разнообразить скучную деревенскую жизнь ихъ покорнымъ появлениемъ своимъ, исправляя нѣкоторымъ образомъ, за насущный хлѣбъ, должность уѣзднаго шута. Послѣднее тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ на всѣхъ деревенскихъ съѣздахъ своего околодка составляетъ уже необходимое лицо; надѣ нимъ удачно

трунять, и онъ, къ общему удовольствію, удачно отшучивается и никогда не сердится.

В. ДАЛЬ

+Разумѣется, не въ офиціальномъ званіи *наставника*. Со времени учрежденія экзаменовъ для этихъ господъ, Петитомъ долженъ быль вступить въ должностъ свою подъ именемъ *компаніона* или *нахлѣбника* своихъ хозяевъ.